

На правах рукописи

Артёмова Юлия Александровна

**СМЕХОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ:
ФОРМЫ И ФУНКЦИИ
(этнолого-психологический аспект)**

**Специальность: 07.00.07 – этнография,
этнология и антропология**

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

**Москва
2006**

Работа выполнена в Группе по изучению религий
и этноконфессиональному картографированию
Института этнологии и антропологии имени Н.Н.Миклухо-Маклая
Российской Академии Наук

Научный руководитель:

академик РАО, доктор философских наук, профессор **И.С.Кон**

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук **В.Л.Кляус**

кандидат исторических наук **М.К.Любарт**

Ведущая организация:

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого
(Кунсткамера) РАН

Защита состоится 30 мая 2006 г. в ____ час. ____ мин. на заседании
Диссертационного совета К.002.117.01 по защите диссертаций на
соискание ученой степени кандидата исторических наук при Институте
этнологии и антропологии РАН им. Н.Н.Миклухо-Маклая по
адресу: 117334, Москва, Ленинский проспект 32а, корпус «В»

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института
этнологии и антропологии РАН им. Н.Н.Миклухо-Маклая

Автореферат разослан « _____ » _____ 2006 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета
кандидат исторических наук

О.Б.Наумова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность. Смех является универсальным элементом социальной жизни и занимает весьма значительное место в деятельности любого человека и любого сообщества. В то же время, несмотря на немалое количество работ, посвященных смеху и юмору — исторических, философских, социологических, психологических, — в силу самой специфики смехового поведения, до сих пор существует тенденция противопоставлять его «серьезным» социальным явлениям, требующим, в силу своей серьезности, соответствующего серьезного изучения. Но ведь ни одна жизненная сфера и даже ни одно событие, включая самые драматические, не свободны от тех или иных смеховых проявлений. Это побуждает думать, что «серьезность» роли смеха в жизни отдельных людей и целых сообществ все еще недооценивается. Актуальность диссертационного исследования заключается в стремлении внести дополнительный вклад в научное осмысление социальной роли смеха и юмора с позиций этнологии и психологии.

Цель, задачи и объекты исследования. Диссертационное исследование посвящено анализу различных форм нормативного смехового поведения в традиционных обществах, а также некоторых форм спонтанного, не предусмотренного социальными нормами смехового поведения представителей современных городских культур с целью выявления социально-психологических функций названных феноменов. Цель исследования конкретизировалась в следующих **задачах**: проанализировать социальный контекст, в котором допускаются или предписываются подшучивания, поддразнивания, смеховые ритуалы; охарактеризовать специфику поведенческого стиля субъектов нормативного смехового поведения; проанализировать связь содержания нормативного смехового поведения с его функциональной ролью в жизни сообществ; дать функциональную интерпретацию символики активно используемых субъектами смехового поведения сюжетов и образов; сопоставить изученные

формы нормативного смехового поведения с некоторыми проявлениями спонтанного, ненормативного, смехового поведения с позиций структурно-функционального подхода.

Нормативное смеховое поведение весьма многообразно. В диссертации в качестве объектов изучения выбраны (1) отношения подшучивания и (2) некоторые формы обрядового смехового поведения, включенного в календарные обряды и обряды жизненного цикла, а также (3) собственно смеховые обряды в форме ритуальной клоунады.

Отношения подшучивания как особый стиль взаимодействия между индивидами или группами людей, для которого характерно предписанное использование неуважительных, в той или иной степени фривольных, приемов общения в шутовском коммуникативном контексте, находятся *в центре* внимания автора. Это явление до сих пор почти не исследовалось в отечественной этнологической и психологической литературе и сравнительно мало изучалось специально зарубежными социальными антропологами и психологами. Между тем, отношения подшучивания составляют весьма значительный пласт повседневного социального взаимодействия представителей любой культуры. В традиционных же культурах они чрезвычайно часто либо предписываются, либо предполагаются социальными нормами, этикетом общения. Это с очевидностью свидетельствует об очень важной для жизни социума в целом функциональной нагрузке, которая, следовательно, нуждается в пристальном изучении.

Смеховые обряды и обряды, включающие смеховое поведение, напротив, как известно, весьма подробно описаны и теоретически изучены во многих этнологических, исторических и философских работах. Поэтому в предлагаемом исследовании им отводится сравнительно более скромное место, чем отношениям подшучивания. Автор ставит перед собой лишь задачу определить структурно-функциональные особенности обрядового юмора, роднящие его, с социально-психологической точки зрения, с отношениями подшучивания.

В диссертации, как уже говорилось, привлекаются для анализа также некоторые формы ненормативного смехового поведе-

ния, преимущественно практикуемые в условиях современных высоко урбанизированных культур. Обращаясь к этому материалу, автор лишь стремился выявить отдельные аналоги традиционным формам смехового поведения — в первую очередь, межличностные и межгрупповые подшучивания, — проанализировать их структуру и функции, а затем синтезировать выводы в сравнительном ракурсе.

Таким образом, диссертация в целом направлена на то, чтобы, опираясь на сделанные ранее выводы этнологов и психологов, а также на изыскания и обобщения историков культуры, попытаться в самой структуре всех вышеперечисленных феноменов, равно как и в конкретном культурном контексте их бытования, обнаружить **объективное функциональное содержание**. Работа в значительной мере носит междисциплинарный характер, представляя собой этнолого-психологический взгляд на этнографические факты. В то же время, в попытках автора дать этнолого-психологическое осмысление феноменов смехового поведения отразились и подходы ученых, исследовавших не только этнологические (социально-антропологические) и психологические, но также отчасти философские, литературоведческие, фольклористические, этологические аспекты смеха и юмора.

Методология и методика. Методологически автор в значительной мере опирается на две ведущие психологические парадигмы, в рамках которых традиционно было принято исследовать смеховое поведение: когнитивную и аффективную. В диссертации также сделана попытка проследить соотношение названных парадигм с методологическими установками глубинной и когнитивной психологических школ, так как общеметодологическими установками обуславливаются приоритеты того или иного объяснительного принципа для осмысления природы и функций смешного. В основу психологических теорий юмора кладутся либо научение и адаптация, либо бессознательная мотивация и опосредованные ею особенности коммуникации, либо интеллектуальная способность к

распознаванию несоответствия¹. В рамках этих подходов можно, в свою очередь, выделить несколько преобладающих направлений предшествующих исследований. Среди них – поиск корреляции смеха и юмора с теми или иными психологическими чертами индивидов (тревожность, агрессивность, уровень конфликтности, общий уровень когнитивного развития и особенности когнитивной сферы), типами темперамента, рядом формальных признаков (пол, возраст и проч.); исследования развития юмора в онтогенезе. Установленные психологами корреляции могут дать ключ к пониманию некоторых коммуникативных функций юмора.

Основными *методами* исследования были кросс-культурный анализ этнографических материалов, отражающих наиболее типичные формы смехового поведения; структурно-функциональный анализ конкретных форм смехового поведения, бытующего в разных культурах, и сопоставление результатов такого анализа.

Хронологические рамки исследования и источники. Поскольку автора диссертации интересуют универсальные или повторяющиеся в пространстве и во времени структурные и функциональные черты нормативных практик смехового поведения, постольку работа построена на материалах, относящихся к самым различным культурам, изучавшимся этнографически, а также (в меньшей мере) и на данных исторического характера. В большинстве своем этнографические источники, использованные в диссертации, относятся к концу XIX - началу XXI в. В работе выборочно использованы этнографические сведения о нормативном смеховом поведении у народов Центральной и Южной Африки, в индейских обществах Северной и Южной Америки, в некоторых группах

¹ См., например, *Levine J. Approaches to Humor Appreciation // Motivation in Humor. N.Y., 1969, p. 1-30; McGhee P.E. Humor: Its Origin and Development. San Francisco, 1979; Handbook of Humor Research. Vol. 1. Basic Issues. N.Y., 1983; Provine R.R. Laughter. N.Y., 2001; Козинцев А.Г. Смех и антиповедение в России: Национальная специфика и общечеловеческие закономерности // Смех: истоки и функции. СПб., 2002, с. 147-174; он же. Юмор, культура, удовольствие // Феномен удовольствия в культуре. СПб., 2004, с. 109-123; Бороденко Ю.В. Два лица Януса-смеха. Ростов-на-Дону, 1995.*

коренного населения Австралии и Океании, а также Сибири и Дальнего Востока, у некоторых народов Кавказа, центральной России, зарубежной Европы² и др. Исторические данные, привлекаемые автором, относятся преимущественно к средневековым западноевропейской и русской культурам, а также к русской сельской культуре нового и новейшего времени.

В работу также включены собственные полевые наблюдения автора, сделанные в различных современных российских городских и сельских средах. Особое значение придается

² Например, *Barnard A. Hunters and Herders of Southern Africa (A Comparative Ethnography of the Khoisan Peoples)*. Cambridge, 1992; *Widlok T. Living on Mangetti*. Oxford, 1999; *Silberbauer G.B. The G/wi Bushmen // Hunters and Gatherers Today*. N.Y., 1972; *Ольдепогге Д.А. Западный Судан в XV-XIX вв. // Труды Института этнологии*. т.53, 1960; *Попов В.А. Ашантийцы в XIX в. М., 1982; Radcliffe-Brown A.R. The Mother's Brother in South Africa // South African Journal of Science*. Vol. 21, 1924; *Schapera I. The Tswana*. London, 1953; *Evans-Pritchard E.E. Some collective expressions of obscenity in Africa // The Position of Women in Primitive Societies and Other Essays in Social Anthropology*. L., 1965; *Miller F.C. Humor in Chippewa Tribal Council // Ethnology*, 1967, vol.6, No.3; *Wissler C. The Social Life of Blackfoot Indians*. N.Y., 1911; *Shagnon N. Yanomamo. The Fierce People*. N.Y. et al., 1968; *Eggan F. The Cheyenne and Arapaho Kinship System // Social Anthropology of North American Tribes*, Chicago, 1937; *Berndt R.M., Berndt C.H. The World of the First Australians*. Sydney, 1977; *Scheffler H.W. Filiation and Affiliations*. Sydney, 2001; *Elkin A.P. The Australian Aborigines*. N.Y., 1964; *Батьянова Е.П. Община у телеутов в 19 – начале 20 вв. // Функ Д.А., Батьянова Е.П. Телеуты*. М., 1992; *Березницкий С.В. О роли смеха в ритуалах и преданиях народов Дальнего Востока России // Смех: истоки и функции*. СПб., 2002; *Крашенинников С. Описание земли Камчатки*. М., 1948; *Виташевский Н.А. Особый вид обязательств в первобытном праве ex donatione (по якутским материалам). Этнографическое обозрение, 1909, № 1; Карпов Ю.Л. Женское пространство у народов Кавказа*. М., 2002; *Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян 19 века*. М., 1986; *Костомаров И.В. Бытовые пережитки старины на покосе у крестьян Ярославской губернии // Этнографическое обозрение, 1909, № 1; Агапкина Т.А. «Колодка» и другие способы ритуального осуждения неженатой молодежи у славян // Секс и эротика в русской традиционной культуре*. М., 1996; *Любарт М.К. Семья во французском обществе. XVIII – начало XX века*. М., 2005 и др.

полевым материалам, собранным в татарском селе Кестым во время экспедиции в Удмуртию в июле-августе 2004 г.

Источники, использованные в диссертации, можно разделить на три категории: (1) профессиональные этнографические исследования по отдельным народам (татары, калмыки, эвенки, коряки, телеуты, аборигены Австралии, меланезийцы, полинезийцы, койсанские народы Южной Африки, народы банту Восточной Африки, индейские народы Северной и Южной Америки и др.); (2) записки, отчеты, воспоминания путешественников, миссионеров, административных служащих, имевших возможность длительно наблюдать жизнь носителей интересующих автора культурных традиций; (3) фольклорные памятники и этнографические публикации фольклорных текстов. В ряде случаев данные для анализа черпались из исторических и этнологических исследований, непосредственно посвященных традиционному смеховому поведению в различных культурных контекстах. Поэтому не всегда источники, использованные в работе, можно четко отграничить от ее историографической базы.

Кроме того, автору диссертации, как уже говорилось, удалось обобщить и проанализировать собственный полевой материал, собранный как в привычной городской среде, так и в Балезинском районе республики Удмуртия, где компактно расположены удмуртские, татарские и русские села (Кестым, Гордино, Коровай, Котомка и др.).

Историография и степень изученности рассматриваемых в диссертации проблем. Литература, посвященная роли смеха в культурном взаимодействии людей и смеховому поведению в целом, чрезвычайно обширна. В то же время, не все выбранные в качестве объектов анализа в настоящем исследовании формы смехового поведения изучены в равной мере обстоятельно. Менее всего внимания, как уже отмечалось выше, уделялось в предшествующих исследованиях отношениям подшучивания. В значительной мере именно поэтому они находятся в центре внимания реферируемой диссертации.

В зарубежной, преимущественно англоязычной, литературе имеется сравнительно небольшое число работ, направленных непосредственно на кросс-культурный анализ отношений подшучивания³, и некоторое количество публикаций, рассматривающих этот феномен в контексте отдельных культур⁴. И те и другие преимущественно рассеяны в различных периодических изданиях. Автору диссертации удалось обнаружить лишь одно небольшое монографическое исследование отношений подшучивания в кросс-культурном ракурсе — работу Р.У.Хауэла «Отношения поддразнивания» (1973)⁵. Характерно, что почти все эти публикации вышли в свет до начала 1980-х гг.

³ *Pedler F.J. Joking Relationships // Africa, Vol. 13, No.2, 1940; Radcliffe-Brown A.R. On Joking Relations // Africa, 1940. Vol. 13, №3; idem. Further Notes on Joking Relations // Africa, 1949. Vol. 19 (Имеется в русском переводе: Рэдклифф-Браун А. Структура и функция в примитивном обществе. М., 2001); Sykes A.J.M. Joking Relationships in an Industrial Setting // American Anthropologist, 1966. Vol. 68; Brandt C.S. A Preliminary Study of Cross-sexual Joking Relationships in Primitive Society // Behavior Science Notes, 1972. Vol.7; Handelman D., Kapferer B. Forms of Joking Activity: A Comparative Approach // American Anthropologist, 1972. Vol.74; Fine G.A. Obscene Joking Across Cultures // Journal of Communication, 1976, Vol.26, No.3*

⁴ *Paulme D. Parenté à plaisanteries et alliance par le sang en Afrique occidentale // Africa, 1939. Vol. 12, No.4; Moreau R.E. The Joking Relationship in Tanganyika // Tanganyika Notes and Records. 1941, No.12; Fortes M. The Dynamics of Clanship among the Tallensi. Oxford, 1945; Griole M. Alliance Cathartique // Africa, 1948. Vol.18, No.3; Gulliver P.H. Joking Relationship in Central Africa // Man, 1957. Vol. 57; Girling F.K., Phil D. Joking Relations in Small Scotland Town // American Anthropologist, 1957. Vol. 59, No. 3; Christensen G.B. Utani: Joking, Sexual License and Social Obligation among the Luguru // American Anthropologist, 1963. Vol. 65; Rigby P. Joking Relationships, Kin Categories, and Clanship among the GoGo // Africa, 1968. Vol. 38; Heald S. Joking and Avoidance, Hostility and Incest: An Essay on Gisu Moral Categories // Man, 1990. Vol.25, No.3; Freedman J. Joking, Affinity and the Exchange of Ritual Services among the Kiga of Northern Rwanda: an Essay on Joking Relations Theory // The Journal of the Royal Anthropological Institute (Man), 1997. Vol. 12, №1 и др.*

⁵ *Howell R.W. Teasing Relationships. Reading, Mass., 1973*

Особое внимание уделено в диссертации исследованиям А.Рэдклифф-Брауна (1924, 1940, 1949)⁶, которому принято приписывать пальму первенства в теоретическом изучении отношений подшучивания как нормативно предусмотренного социокультурного феномена.

Принято также считать, что А.Рэдклифф-Браун первым привлек внимание к тому обстоятельству, что отношения подшучивания сплошь и рядом оказываются в традиционных обществах сопряженными с отношениями избегания. Именно он настаивал на том, что понять функции этих обычаев можно, только изучая и те и другие одновременно. Но нельзя не указать, однако, на то, что об этом же, хотя и вскользь, семью годами ранее писал А.М.Золотарев⁷. Очень ценными для автора оказались многие исследования отечественных этнологов, анализирующие обычаи избегания в сравнительно-историческом ракурсе или в контексте отдельных культур и культурных ареалов. В их числе работы Н.А.Кислякова, М.О.Косвена, А.Н.Максимова, А.И.Першица, Я.С.Смирновой, Г.А.Сергеевой, А.Е.Тер-Саркисянц⁸, и многих других.

Хотя в отечественной этнологии отношения подшучивания как формы нормативного смехового поведения почти не исследо-

⁶ *Radcliffe-Brown A.R. The Mother's Brother...; idem. On Joking Relations...; idem. Further Notes...*

⁷ *Золотарев А.М. Новые данные о групповом браке // Советская этнография, 1933, №3-4, с.197.*

⁸ *Кисляков Н.А. Семья и брак у таджиков. По материалам конца XIX – начала XX века. М.-Л., 1959; он же. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969; Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М., 1961; Максимов А.Н. Ограничения отношений между одним из супругом и родственниками другого // Этнографическое обозрение, 1908, № 1-2; Сергеева Г.А. Об обычае избегания у народов Грузии // Полевые исследования Ин-та этнографии АН СССР, 1974. М., 1975; Смирнова Я.С., Першиц А.И. Избегание: формационная оценка или «этический нейтралитет»? // Советская этнография, 1978, № 6; Смирнова Я.С. Семья и брак у народов Кавказа. М., 1983; Тер-Саркисянц (Панян) А.Е. Обычай избегания у армян и его изживание в годы советской власти // Историко-филологический журнал, Ереван. 1968б №2 (41); она же. Современная семья у армян. М., 1972. и др.*

вались специально, некоторое внимание им в работах ряда авторов все же уделено. Так, можно упомянуть вышедший не так давно в издательстве "Наука" сборник "Смех: истоки и функции" под редакцией А.Г.Козинцева⁹, где представлен ряд статей отечественных авторов, и некоторые из этих статей касаются феномена подшучивания, если понимать последний довольно широко. Особо следует отметить публикации петербургских африканистов, в которых отношения подшучивания обычно фигурируют под названием «шуточное родство»: например, исследования В.Р.Арсеньева, А.А. Маслова, Д.А. Ольдерогге, В.А. Попова¹⁰ и др. Чрезвычайно полезна оказалась для автора характеризуемой работы книга Г.В.Дзибеля «Феномен родства. Прологомены к иденетической теории» (2001), где содержится краткая, но весьма информативная сводка о распространении обычаев формализованного подшучивания и избегания у самых разных народов земного шара¹¹.

В противоположность отношениям подшучивания, обрядовый юмор и собственно смеховые обряды изучались в поистине необъятном количестве специальных трудов. Здесь представляется возможным лишь упомянуть авторов наиболее известных из таких трудов, составивших надежную опору характеризуемого исследования: М.М.Бахтина, Ю.Е.Березкина, А.Я.Гуревича, А.Г.Козинцева, Дж. Левайна, Д.С.Лихачева, А.М.Панченко, Ю.М. Лотмана, Е.М.Мелетинского, В.Я.Проппа, П.Радина, Б.А.Успенского, Э.Эванса-Причарда¹². Особенно многочисленны

⁹ *Смех: истоки и функции*. М., 2002

¹⁰ *Арсеньев В.Р.* Общности по «клановому имени» («джаму») у населения верховьев Сенегала и Нигера // *Этническая история Африки*. М., 1977; *Он же.* Бамбара: Люди в переходной экономике. СПб., 1997; *Маслов А.А.* Латеральность: определение понятия и области его применения // *Алгебра родства*. СПб., 1999, Вып. 3; *Ольдерогге Д.А.* Западный Судан... ; *Попов В.А.* Ашантийцы ... ; *Он же.* Этносоциальная история аканов в XVI-XIX вв. М., 1990.

¹¹ *Дзибель Г.В.* Феномен родства. Прологомены к иденетической теории. СПб., 2001.

¹² *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965; *Березкин Ю.Е.* Смех в фольклорных текстах индейцев Америки // *Смех: истоки и функции*. СПб., 2002;

кросс-культурные исследования, посвященные ритуальной клоунаде, шутовству, фигуре «сакрального дурака»¹³.

Общепсихологические и общепсихологические подходы к осмыслению смехового поведения, представленные в трудах М.Апте, А.Бергсона, Г.Бейтсона, Э.Берна, Д.Гольдштейна, А.Кестлера, А.Г.Козинцева и М.Л.Бутовской, Л.В.Карасева, П.Макги, Дж.Морро, Ф.Перлза, Р.Провайна, З.Фрейда, Э.Эриксона, К.Г.Юнга и других послужили отправными пунктами для выработки методологических установок автора, а также для формулирования окончательных выводов предлагаемой диссертации.

Научная новизна. Характеризуемое исследование представляет этнолого-психологический взгляд на этнографические данные о

Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. М, 1981; Козинцев А.Г. Об истоках антиповедения, смеха и юмора: Этнод о шекотке // *Смех: истоки и функции*. СПб., 2002; Козинцев А.Г. Происхождение языка: новые факты и теории // *Теоретические проблемы языкознания*. Сборник статей к 140-летию кафедры общего языкознания СПбГУ. СПб., 2004; Козинцев А.Г. Юмор: до и после иронии // *Логический анализ языка; Levine J. Regression in Primitive Clowning // Motivation in Humor*. N.Y., 1969; Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понырко Н.В. Смех в Древней Руси. Л., 1984; Лихачев Д.С. Смех как мировоззрение // *Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение*. СПб., 2001; Лотман Ю.М. Статьи по типологии культуры. Тарту, 1970; Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // *Вопросы литературы*, 1977. Вып.3.; Мелетинский Е.М. Палеоазиатский эпос о Вороне и проблема отношений Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки в области фольклора // *Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки*. М., 1981; Пропп В.Я. Ритуальный смех в фольклоре // *Фольклор и действительность*. М., 1976; Он же. Проблемы комизма и смеха. СПб., 1997; Radin P. The Trickster. Study in American Mythology. L., 1956; Успенский Б.А. Антиповедение в культуре Древней Руси // *Проблемы изучения культурного наследия*, М., 1985; Evans-Pritchard E.E. Some Collective Expressions of Obscenity in Africa // *The Position of Women in Primitive Societies and Other Essays in Social Anthropology*. L., 1965.

¹³ Например, Willeford W. The Fool and His Scepter. A Study in Clowns and Jesters and the Audience. Chicago, 1969; Zijdelverd A.C. Reality in a Looking-glass : Rationality Through an Analysis of Traditional Folly. London, 1982; Billington S. A Social History of the Fool. Brighton, 1984; Otto B. Fools are Everywhere : The Court Jester Around the World. Chicago, 2001.

смехе и юморе в различных культурах, что, насколько автору диссертации известно, не имеет себе аналогов в отечественной литературе. Стоящие в центре внимания диссертации отношения подшучивания, как уже отмечалось, почти не изучались в качестве самостоятельного явления ни отечественными этнологами, ни отечественными психологами. Не имела также до сих пор в отечественной литературе сколько-нибудь подробного научного освещения функциональная связь отношений подшучивания с отношениями избегания. Во всем сказанном можно видеть новизну реферируемого исследования. Во многих зарубежных исследованиях¹⁴ чаще всего делались попытки найти всеохватывающие объяснения известным случаям отношений подшучивания и ритуальным практикам, включающим смеховое поведение. Автор предлагаемой работы стремится показать, что для разных случаев рассматриваемого поведения требуются разные объяснения. Таким образом, в работе приводится конструктивная критика «универсализирующих» объяснительных принципов.

Практическая значимость работы. Выводы и материалы диссертационной работы могут быть использованы и уже используются преподавателями вузов при подготовке и чтении таких курсов, как «Психологическая антропология», «Социальная антропология (теоретические основы)», «Социальная антропология регионов мира», «Антропологические аспекты юмора», «Антропология детства» и «Антропология пола».

Апробация работы. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на расширенном заседании Группы по изучению религий и этноконфессиональному картографированию Института этнологии и антропологии РАН 17 января 2006 г. Основные положения диссертации нашли отражение в трех докладах, прочитанных и обсуждавшихся на Третьем (Москва, 1998) и Шестом (Санкт-Петербург, 2005) конгрессах этнологов и антропологов России (тезисы опубликованы), а также на

¹⁴ Например, *Radcliffe-Brown A.R. On Joking Relations...*; *Howell R.W. Op. cit.*; *Freedman J. Op. cit.* и др.

этологической школе «Этология человека и смежные дисциплины. Современные методы исследований» (Москва, 2004)¹⁵ и в двух статьях общим объемом 2,2 авторских листа.

Структура работы и терминология. В главах и параграфах диссертации автор сопровождает собственное изложение фактических данных и их анализ обзорами различных подходов к изучению и объяснению рассматриваемых феноменов в этнологии (социальной антропологии), психологии, истории культуры и философии, делая особый упор на разнообразие методологических парадигм.

Специального пояснения требуют некоторые ключевые термины.

Термины «*традиционные общества*», «*традиционные культуры*» в настоящее время чрезвычайно широко используются в отечественной этнологической литературе, однако смысл их весьма неопределен и расплывчат, что ставит под сомнение их научную содержательность. Не претендуя на универсальное определение, автор — в рабочем порядке — конкретизирует значение слова «традиционные» исключительно в контексте настоящего исследования.

Под традиционными обществами понимаются такие социальные объединения, или сообщества, в которых:

□ Общение между людьми носит преимущественно или исключительно характер устойчивых личных отношений. *Face to face relations.*

□ Контакты представителей таких объединений за пределами привычного *узкого круга общения* весьма ограничены. Все или почти все свои *жизненные нужды* люди удовлетворяют в этом узком кругу.

□ Такие сообщества, как правило, сравнительно немногочисленны — от нескольких десятков до нескольких тысяч человек — и локализованы в сравнительно ограничен-

¹⁵ Темы докладов: «Подмена значения как смеховой стимул» (1998), «Смеховое поведение и когнитивная сфера человека» (2004), «Некоторые психологические аспекты отношений подшучивания» (2005)

ном географическом ареале. *Узко локальные малочисленные объединения.*

□ Как правило, все или почти все связи между членами таких сообществ либо реально являются кровнородственными отношениями (а также отношениями по бракам — отношениями свойства) и осознаются как таковые, либо *уподобляются* кровному родству и свойству путем различных нормативно предусмотренных процедур.

□ Родственность и «личностность» отношений влекут за собой взаимные права и обязанности, комплексы подробно разработанных этических и этикетных норм, смысл которых заключается, прежде всего, в создании и поддержании механизмов взаимопомощи, регуляции взаимодействия между полами и определения, а также поддержания статусных позиций.

□ Родственность и «личностность» отношений обеспечивают весьма жесткое санкционирование и, соответственно, следование всевозможным этическим и этикетным нормам, так как нарушитель в таких условиях всегда будет человеком более или менее близким всем остальным, и порождаемые нарушением норм дисгармонии отношений грозят стабильности сообщества в целом и несут сильный духовный дискомфорт отдельным лицам. А это, в свою очередь, обуславливает значительную устойчивость поведенческих стереотипов — *традиционность.*

Соответственно, культуры таких сообществ мы именуем традиционными культурами, концентрируя главный интерес на стереотипах общения.

Исходя из сказанного, к числу традиционных культур следует отнести не только культуры изучавшихся этнографически охотников, собирателей, рыболовов, мотыжных земледельцев и кочевых скотоводов, не вовлеченных сколько-нибудь серьезно в орбиты государственных формирований, но и многие относительно изолированные и преимущественно самообеспечивающиеся крестьянские сообщества, включенные (путем учета

населения, подчинения юрисдикции, налогообложения, повинностей и т.п.) в развитые государственные системы — феодальные, капиталистические и даже социалистические. С этой точки зрения, традиционной культурой была культура значительной части русского сельского населения еще в 19 веке и до сих пор является традиционной культура многих удаленных от всего остального мира дагестанских, киргизских или алтайских аулов. Традиционной была еще лет 50-70 назад и культура чепецких татар (республика Удмуртия). Ведь эта немногочисленная группа татар (около тысячи человек), хотя она и жила в 5 км от районного центра Балезино и в 20 км от г. Глазова, да и многие годы входила в состав огромного многонационального передового советского колхоза, тем не менее, усиленно поддерживала национальную обособленность, локализуясь в одном большом поселке Кестым, окруженном русскими и удмуртскими селами. Причиной, очевидно, был прежде всего ислам, а результатом явились: преимущественная эндогамия; особый кестымский диалект татарского языка; тесные родственные связи; охватывающая все население поселка номенклатура родства, сочетающая в себе элементы линейных и генерационных номенклатур; одна общая фамилия — Касимовы («некасимовых» там лишь единицы); многочисленные правила родственной этики и этикета, часть которых все еще бытует, несмотря на быстрое размывание этой культуры в последние десятилетия. Так, «кестымские» все еще славятся среди соседей взаимопомощью и уважением к своим старшим. Это дает, как представляется, основания использовать этнографические данные о кестымских татарах — среди многих других — именно в главах, посвященных смеховому поведению в традиционных обществах.

Понятие «*современная городская культура*» столь же условно, как и понятия «традиционные общества» и «традиционные культуры». Употребляя его, мы лишь стремимся указать на ряд общих для всех урбанизированных культур характеристик: сложный гетерогенный состав, профессиональная дифференциация, имущественное и статусное расслоение, сосуществование различных субкультур — этнических, классовых, сословных;

дифференциация населения по образовательному цензу и т.п. Все современные городские культуры сближает относительно низкая социальная значимость, придаваемая отношениям родства, т.е. относительно ограниченный круг родственных связей, играющих сколько-нибудь весомую роль в жизни индивида, и высокая частота обезличенных социальных взаимодействий.

«Подшучивание» – термин, относительно недавно вошедший в отечественную этнологическую литературу как русский аналог английского “joking relationships” и французского “parenté à plaisanteries”. Он был предложен Л.Е.Куббелем в 1988 г¹⁶.

В работах некоторых авторов – главным образом ленинградских (петербургских) африканистов — словосочетание “parenté à plaisanteries” передается как «шуточное родство». Это почти буквальный перевод, но в качестве термина представляется не совсем удачным. Ведь обозначаются этим словосочетанием отношения между людьми не шуточные, т.е. несерьезные, ненастоящие, «невсамделишные» (именно так звучит слово «шуточные»), а вполне серьезные, настоящие. К тому же родственниками субъекты подобных отношений приходится друг другу на самом деле, и поддразнивания, высмеивание отнюдь не являются главной или даже ведущей составляющей их отношений. Они — лишь внешний символ некоего внутреннего содержания, которое как раз и должно интересовать исследователя в конечном счете. Правильнее всего было бы говорить *об отношениях с подшучиванием*¹, но уж очень неудобно этим выражением оперировать в тексте.

В контексте изучения традиционных культур понятие подшучивания имеет более узкий смысл. Так, Л.Е.Куббель определяет подшучивание как *форму отношения между индивидами и группами, состоящую в подчеркнутой демонстрации близости*

¹⁶ Куббель Л.Е. Подшучивание // *Свод этнографических понятий и терминов. Соционормативная культура*. М., 1988.

¹ В своем переводе статей Рэдклиффа-Брауна «On Joking Relations» и «Further Notes on Joking Relations» (2001) автор настоящей работы так и сделала.

или, наоборот, неприязни между людьми при помощи шуточных способов коммуникации, так называемые “joking relations”². Под этим термином исследователь понимал особую компоненту диадных отношений, например, подшучивание между сыном сестры и братом матери, подшучивание между дедами и внуками и т.д., делая акцент на предписании не обижаться на шутки. (Имеется *устоявшаяся пара партнеров по подшучиванию. А шутит именно над В* – иногда взаимно, иногда нет).

Под *обрядовым смеховым поведением* понимаются закрепленные традицией формы смехового поведения, включенные в ритуальный контекст. Обрядовое смеховое поведение в свою очередь может быть подразделено на два подвида, которые условно автором обозначаются как 1) сопутствующее, или сопровождающее, обрядовое смеховое поведение; 2) собственно смеховые ритуалы. Этим подчеркивается необходимость различать, с одной стороны, смеховые коммуникативные действия как отдельные нормативные элементы несмеховых ритуалов и ритуализованных видов деятельности, выступающие составными элементами обрядов, а с другой стороны, ритуалы, основным содержанием и мотивированной целью проведения которых является собственно смеховое поведение.

² Куббель Л.Е. Подшучивание // *Народы и религии мира. Энциклопедия.* М., 1998, с. 895

Основные положения диссертации, вынесенные на защиту:

1. Все изученные формы смехового поведения могут быть определены как эффективные *инструменты* социального взаимодействия, которые характеризуются *полифункциональностью* (в зависимости от коммуникативных задач они могут выполнять весьма разные функции) и *энергоемкостью* (в рамках одной коммуникации они могут выполнять сразу несколько функций). Одним высказыванием или действием решается зачастую сразу несколько коммуникативных задач.

2. Как отношения подшучивания, так и обрядовый юмор создают особое социальное пространство, допускающее такие формы поведения, на которые в иное время или в иных ситуациях обществом налагаются запреты. Таким образом, рассмотренные формы смехового поведения дают людям возможность *временно освободиться* от бремени культурных запретов *без деструктивных последствий*, как для конкретных индивидов или групп, так и для социальных систем в целом.

3. Формализованные отношения подшучивания являются особым коммуникативным *стилем*, характеризующим *устойчивые отношения* между индивидами или групповыми субъектами. Главными факторами, определяющими в традиционных обществах предписания тем или иным лицам подшучивать друг с другом или избегать друг друга являются *пол* и *возрастной статус* сторон таких отношений, однако реализовываться эти факторы могут весьма по-разному в зависимости от социального контекста. Рассматриваемый стиль отношений бытует и в индустриальных гетерогенных обществах «западного» типа, где имеет *неформализованный* и *непредписанный* характер и не обнаруживает жесткой связи с возрастным, половым, родственным, социальным статусом практикующих его лиц.

4. Так как подшучивание являет собой по сути *притворное оскорбление*, то содержание шуток зачастую связано с темами, важными для образа «Я» человека, но в то же время оно далеко не всегда сопряжено с личностными характеристиками объекта подшучивания. Цель нанести притворное оскорбление часто

достигается благодаря использованию в шутках образов *«материально-телесного низа»*.

5. Во время обрядов перехода и ритуализованной трудовой деятельности, имеющей коллективный характер, в традиционных обществах практикуется смеховое поведение, часто изобилующее непристойностями. Но оно сочетается с *жесткими поведенческими ограничениями* в другие моменты ритуала или для других его участников. В таком сочетании прослеживается параллель с отношениями подшучивания, которые, характеризуясь фривольностью и вседозволенностью в общении с одними субъектами, сочетаются с ограничениями отношений (избеганиями) при взаимодействии с другими.

6. Обрядовый юмор, как и отношения подшучивания, можно считать *имитацией оскорбительного поведения*, только в случае обрядового юмора мишенью для оскорбления является не индивид или группа, а сами *культурные нормы*.

7. Обрядовый юмор обильно использует *непристойности* и *растительно-животную* символику, что также указывает на его тенденцию противостояния культуре путем грубого нарушения ее норм и подчеркивания природного начала.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения и Библиографии.

Во *Введении* определяются цели и задачи работы, дается общая характеристика объектов исследования – отношений подшучивания и обрядового юмора, обосновывается выбор источников, методологии и методик исследования, а также его новизна, актуальность и практическая значимость. Кроме того, приводится общий обзор предыдущих исследований, посвященных изучаемым автором диссертации феноменам. Раскрывается значение основных используемых в работе терминов.

В *Главе первой* — *«Отношения подшучивания в традиционных культурах»* — рассмотрено смеховое поведение в контексте кровнородственных отношений и отношений свойства, а также

межгруппового взаимодействия. Особое внимание уделено устойчивому диадному характеру таких отношений.

При таких отношениях коммуникативная норма подшучивания задается не ситуацией, как это имеет место в случае обрядового юмора, а характером отношений между сторонами — степенью и формой их родства, их половозрастным статусом, их положением в социальной структуре.

Глава включает два параграфа. В первом параграфе — *«Нормативные отношения подшучивания в межличностном взаимодействии»* — рассмотрены различные структурные варианты диадных отношений между индивидами, а также конкретные формы практикуемого в таких отношениях смехового поведения. Показано, что отношения подшучивания могут быть весьма разнообразными как по структуре, так и по содержанию. Особое внимание уделяется связи отношений подшучивания с половой принадлежностью и статусными позициями их субъектов. Рассмотрена также связь обычаев подшучивания со столь же многообразными по формам обычаями избегания. Отмечены некоторые особенности «географического распространения» обычаев избегания и подшучивания у различных народов мира, в значительной мере сохранявших до недавнего времени традиционную культуру. Приведены этнографические примеры, относящиеся к различным регионам земного шара. Многообразие форм подшучивания и избегания проиллюстрировано материалами по якутам, бурятам, жителям островов Полинезии, австралийским аборигенам, койсанским народам Южной Африки, поволжским татарам, по индейским народам и др.

Второй параграф — *«Межгрупповые отношения подшучивания»* — построен по той же схеме с учетом, однако, специфики диадных отношений между целыми социальными группами: кланами, племенами, представителями различных этнических общностей и др.

Особый упор сделан автором диссертации на то, что нормативные подшучивания представляют собой *целостный стиль взаимоотношений* между индивидами или группами.

Анализ социально-психологических функций обычаев подшучивания и избегания позволил выявить некоторые общие тенденции в формировании пар подшучивающих и избегающих. В доступных автору описаниях отношений подшучивания между кровными родственниками многократно встречались указания на отношения подшучивания между дедами и внуками, кресткузенами, братом матери и сыном сестры. Например, эти обычаи активно практиковались многими полинезийскими, меланезийскими и индейскими народами, бушменами и готтентотами Южной Африки, австралийскими аборигенами и др. Для родственников по браку описаны как отношения подшучивания, так и обычай избегания между супругами, избегания – между одним из супругов и старшими родственниками другого, подшучивания и избегания — между супругом сиблинга и сиблингом супруга. Так, проанализированы отношения между одним супругом и родственником другого у ряда коренных народов Северной Америки, Австралии, Южной и Центральной Африки, у ряда евразийских народов. Здесь решающее значение имеют и пол, и возраст сторон, вовлеченных в регламентированные отношения. Автором выделено несколько типов отношений подшучивания, по таким основаниям: количество включенных в отношения подшучивания субъектов (*межличностные* и *межгрупповые*), симметричность или асимметричность отношений (*симметричные* и *асимметричные*), интенсивность и границы регламентации поведения участников таких отношений. Под последним понимается то обстоятельство, что встречающиеся на Земном шаре случаи избегания весьма варьируют по формам — от простых запретов на проявление фамильярности при взаимодействии до полного исключения прямых контактов; подшучивания же могут как носить вопиюще непристойный характер, включая грубые и оскорбительные в ином социальном контексте формы поведения, так и принимать весьма мягкие и добродушные формы.

Рассмотрев предлагавшиеся в предшествующих этнологических исследованиях объяснения происхождения и функционального смысла обычаев избеганий и предписанных подшучиваний, автор признает, что многие из них содержат большие «рацио-

нальные зерна», но вместе с тем, подчеркивает, что даже самые глубокие и изощренные объяснения, такие как объяснения А.Н.Максимова (обычай избегания) и А.Р.Рэдклифф-Брауна (подшучивания вкупе с избеганиями), не удовлетворяют всем вариантам зафиксированных этнографией отношений подшучиваний и избеганий, а также не исчерпывают смысла тех конкретных примеров, которым в основном удовлетворяют. По мнению автора, это происходит потому, что каждому исследователю, ищущему объяснение той или иной серии реальных феноменов, объединяемых по какому-то общему принципу, хочется сразу охватить одной идеей всю серию. В противовес этому, автор диссертации утверждает, что подшучивания и избегания суть *полифункциональные поведенческие инструменты*, эмпирически найденные, отточенные, верифицированные и чрезвычайно дифференцировавшиеся в процессах многотысячелетнего человеческого взаимодействия. Предписанные подшучивания и избегания представляют собой отработанные приемы регламентации поведения, которые при внешнем, формальном, сходстве могут вводиться в действие в различных ситуациях и достигать различных эффектов. Но и этого мало, сами по себе избегания и подшучивания представляют собой не только полифункциональные, но и очень *энергоемкие* поведенческие приемы. В каждом конкретном случае применения этих поведенческих инструментов, вопрос об «эффекте на выходе» решается не через «или, или», а скорее через «и, и». Одно отдельно взятое подшучивание чаще всего содержит множество посланий одновременно.

Таким образом, в выводах к первой главе в авторский концептуальный аппарат вводятся категории *полифункциональности* и *энергоемкости*, которым предстоит сыграть одну из ведущих ролей и в последующем анализе.

Глава вторая — «Обрядовый юмор» — состоит из четырех параграфов.

Первый параграф — *«Смеховое поведение в обрядах перехода»* — посвящен рассмотрению смехового поведения как компонента пубертатных, свадебных, похоронных и инициационных обрядов. Так, показано, что у ряда африканских народов (азанде,

бантуязычные народы, койсанские народы и др.), народов Сибири и Дальнего Востока (якуты, нивхи, орочи, ульчи, эвенки, коряки, телеуты), Западной Европы (французы, немцы, итальянцы и др.), Восточной и Центральной Европы (русские, украинцы, белорусы, калмыки, поляки, чехи словаки, словенцы, венгры и др.), Северного Кавказа и Закавказья (кабардинцы, грузины, абхазы и др.), Передней Азии (турки, арабы Кувейта, сирийские курды и др.), Центральной Азии (таджики, казахи и др.) во время проведения переходных обрядов активно использовался эротический фольклор, изобилующий непристойностями, на определенных этапах участники ритуалов традиционно исполняли танцы и производили действия, имитирующие совокупление людей и животных, имитировали нарушение ряда сексуальных табу. Обильно использовались предметы, символизирующие сферу «материально-телесного низа». Также часто практиковалось вышучивание одних участников ритуала другими. При этом особое внимание в данном параграфе уделяется сочетанию в период проведения переходных обрядов, с одной стороны, различных строгих запретов, в частности, запрета на половые контакты, и, с другой стороны, «бесстыдства» в речи и жестике-ляцки.

Во втором параграфе — *«Обряды, сопряженные с трудовыми процессами»* — смеховое поведение рассматривается как атрибут определенных видов практической деятельности, имеющей групповой характер. Показано, что у ряда народов, начиная от русских крестьян во многих областях России (при сборе урожая, покосе и проч.) и заканчивая африканскими тонга, акамба и др. (при построении нового жилища, рыбной ловле, а также в процессе тяжелого физического труда, требуемого для отправления тех или иных ритуалов), практиковалось смеховое поведение, принимавшее разнообразные формы, от спонтанного обмена шутками до ритуализованного исполнения песен и танцев скабрёзного содержания.

В третьем параграфе — *«Ритуальная клоунада»* — предложен анализ обрядов, сущностью которых является собственно смеховое поведение. Они рассмотрены на примере ритуальной

клоунады преимущественно по материалам североамериканских индейцев и коренных народов северо-востока Сибири. Поведение ритуального клоуна характеризует вопиющее нарушение существующих в обществе норм – публичная имитация полового акта, бросание в людей экскрементов животных, попытки прилюдно дотронуться до половых органов женщин и т.п. Эта социальная практика представляется важной, так как являет собой яркую и совершенно особую форму традиционного смехового поведения, имеющую, однако, общие структурные черты с рассматриваемыми ранее формами ритуального юмора.

В четвертом параграфе – «*Ритуальный смех и образ трикстера*» – автор диссертации привлекает в качестве источника для понимания роли смехового поведения в социальном взаимодействии носителей фольклорных традиций некоторые фольклорные тексты.

Особое внимание уделено фигуре мифологического трикстера, которая рассмотрена на примере Трикстера индейцев виннебаго, корякского Куйкыннюку, североамериканского и палеоазиатского Ворона и ряда других мифологических персонажей. Автор стремится проанализировать — с точки зрения общих задач диссертации — интеллектуальную связь между мифологическим образом трикстера и субъектами смеховых обрядов реальной жизни.

Обобщая рассмотренные в этой главе материалы, автор указывает, что обрядовый юмор, каковы бы ни были его реальные социально-психологические функции, часто наделяется неким сакральным смыслом, как и весь ритуал вообще, что смехом и шутками человек как бы приобщается к сфере *сакрального*. Тот же смысл можно усмотреть и в *сакральном* запрете на смех.

При попытках осмысления роли смехового поведения в обрядовой жизни людей проанализированы ставшие уже классическими исследования А.Бергсона, В.Я.Проппа, М.М.Бахтина, А.Я.Гуревича, Д.С.Лихачева, Б.А.Успенского, А.Кестлера, Г.Бейтсона, П.Макги, а также современных исследователей смеха – А.Г.Козинцева, Л.В.Карасева, Дж.Левайна и др.

Сопоставляя обрядовый юмор с отношениями подшучивания в традиционных обществах, автор заключает, что оба рассмотренных феномена – обрядовый юмор и отношения подшучивания – включают, наряду со смеховым поведением, как правило, целый ряд других элементов, образующих некий единый комплекс. В этот комплекс входят (в разных ситуациях – в различных пропорциях) разнообразные табу и избегание определенных контактов, определенных типов поведения; дарение подарков, имеющих, наряду с практическим, зачастую символический смысл; преобладание в ритуализованном юморе раблезианской тематики, как то: обильный прием пищи, алкогольных напитков, половая сфера, испражнения – иными словами, физиология, а также грязь, «черный юмор» и прочий «негатив». При анализе тематики, которую эксплуатирует ритуализованное смеховое поведение, также обнаруживается обилие образов, связанных с природными – в противовес культурным – объектами и явлениями. Наряду с образами «материально-телесного низа», сюда входит активное привлечение природных образов (растения и животные). Также весьма распространено обыгрывание сексуальной тематики. Отмечен непристойный (или полупристойный) характер обрядового юмора. Это связывается, с одной стороны, с такой функцией обрядового юмора, как обеспечение временного освобождения от ограничений, диктуемых культурными нормами, с другой же стороны – подчеркивание жизненной силы процесса, которому посвящен обряд (что справедливо и в отношении похоронных обрядов, так как смерти в мифологическом мышлении непременно сопутствует возрождение). На важную роль обрядового юмора в человеческом поведении, направленном на освобождение от чрезмерного давления требований *культуры*, опять же указывает и выраженность в нем символики *природных* объектов и явлений.

Важной особенностью, объединяющей обрядовый юмор с отношениями подшучивания в традиционных обществах, является их предписанный, нормативный характер в одном контексте при абсолютной недопустимости в другом. При подшучивании этот контекст создается отношениями, статусом

их участников, а при обрядовом юморе – пространством ритуала, в котором многие, если не все правила поведения, подчеркнuto отличаются от предписаний обыденной, «профанной» жизни.

В *Главе третьей — «Некоторые черты смехового поведения в современной городской культуре и их соотношение с формализованным традиционным юмором»* — предпринята попытка обнаружить аналоги традиционным формам смехового поведения — в первую очередь, межличностные и межгрупповые подшучивания — во взаимодействиях представителей современной городской культуры, а также проанализировать структуру и функции этих аналогов и синтезировать выводы в сравнительном ракурсе, — сопоставив с типичными формами традиционного смехового поведения. В *Главе третьей* рассмотрены некоторые типы диадных отношений подшучивания, складывающиеся спонтанно. Основными методами сбора информации в этом случае послужили включенное наблюдение, а также беседы с информаторами в татарских селах Кестым и Гордино Республики Удмуртия, а также в Москве (2003-2005 гг.).

В главе приведены примеры неформализованных, не имеющих предписанного характера шуточных коммуникаций между индивидами — родственниками, друзьями, коллегами и незнакомыми людьми, а также случаи межгрупповых неформализованных подшучиваний, в частности, межэтнических. Особое внимание уделено проблеме агрессии в шутках и юморе, а также феномену декарнавализации и издевательским шуткам, которые имеют целью реально унизить или оскорбить человека, т.е. по существу являются не подшучиванием, а психологической *манипуляцией*.

Одно из главных отличий смехового поведения в современной городской культуре от традиционного смехового поведения, и в частности, от формализованных отношений подшучивания, автор диссертации видит в отсутствии *предписаний* шутить, искать комическое в окружающей среде или проявлять его в своем поведении. Другое отличие, особенно бросающееся в глаза, — это чрезвычайное, по сравнению с традиционными культурами, расширение сферы возможного. В том числе почти

полная свобода шуточных коммуникаций между поколениями и полами – свобода, ставящая под угрозу взаимное уважение, и, в особенности, уважение младших к старшим. В этом, с одной стороны, можно было бы усмотреть некоторую опасность для стабильности социальных систем и механизмов трансформации культурного наследия от поколения к поколению. С другой же стороны, логично предположить, что и разрушению временем подвержены лишь формы, но не сами механизмы.

В заключительной части Главы третьей были рассмотрены две различные парадигмы изучения смеха – аффективная и когнитивная. Показано, что с точки зрения аффективной парадигмы причины смеха можно искать в наличии мотивационного конфликта, а с точки зрения когнитивной – в наличии когнитивного конфликта. Рассмотрено также подшучивание как имитация оскорбления, и уделено внимание вопросу о том, *как* в когнитивной сфере человека оказывается возможным правильный выбор при решении дилеммы «мнимая агрессия – подлинная агрессия». Было указано на особенности человеческого мышления и сознания, делающие возможными продуцирование и понимание юмора. Рассмотрен феномен, получивший название биссоциации (А.Кестлер)¹, лежащий в основе механизмов творчества и юмора. Проанализировано также понятие логических типов (Г.Бейтсон)² и показано, что смеховое поведение, наряду с некоторыми другими поведенческими феноменами, например, игрой и ложью, характеризуется задействованием сразу нескольких логических типов. Эта модель применена к такой форме смехового поведения, как отношения подшучивания.

Для иллюстрации различий между подлинной агрессией и псевдоагрессией у человека особенно выразительными оказались примеры феномена декарнализации, ярко проявляющей себя в экстремальных условиях, когда смеховое поведение начинает выступать средством нанесения реального физического или

¹ *Koestler A.* The Act of Creation. N.Y., 1969.

² *Bateson G.* The Position of Humor in Human Communication // *Levine J.* (ed.) Motivation in Humor. N.Y., 1969, p. 159-167.

морального ущерба объекту высмеивания. Автор пытается определить различия в целях и средствах смеховых приемов, используемых при подшучивании и при реальных агрессивных актах, выделяет промежуточные формы взаимодействия и предлагает возможное объяснение феномена декарнализации с позиций биокультурной концепции смеха А.Г.Козинцева.

Обратившись к проблемам тематики и содержания шуток при подшучиваниях, автор работы приходит к выводу, что они могут быть практически любыми, но преобладают все же темы, связанные с важными для человеческого самосознания и его образа «Я» сферами жизни, такими как половые и гендерные поведенческие стереотипы, этническая и расовая принадлежность, профессиональная компетентность (шире – успешность в сфере ведущей деятельности), внешний вид человека, его социальный, имущественный и возрастной статус, а также неконструктивные поведенческие привычки. При этом материалом, с помощью которого «раскрываются» данные темы, зачастую служат образы «материально-телесного низа», хотя в целом, в зависимости от культуры и конкретных условий, таким материалом может служить все что угодно, и почти всегда одно высказывание может решить сразу несколько коммуникативных задач: намекнуть на близкие, товарищеские отношения и общий культурный контекст (профессиональный, этнический, ситуативный, родственный), ненавязчиво указать на неподобающее поведение, доставить себе и оппонентам удовольствие: и то полуфизиологическое удовольствие, которое вызывает во всем нашем существе смех, и то эстетическое удовольствие, которое приносит нашему интеллекту шутка, если, конечно, она удачна.

В *Заключении* представлены общие выводы. Они концентрировано отражены в основных положениях, вынесенных на защиту диссертации.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. О многообразии феномена подшучивания // Приложения в кн: А.А. Белик. *Историко-теоретические проблемы психологической антропологии*. М., 2005, с. 299-312.
2. Смеховое поведение и когнитивная сфера человека // *Этология человека и смежные дисциплины. Современные методы исследования*. Отв. ред. М.Л.Бутовская. М., 2004, с. 7-12.
3. Подшучивание и избегание в традиционной культуре // V Конгресс этнографов и антропологов России. Омск, 25 – 30 июня 2003г. Тезисы докладов. Омск, 2005, с. 56.
4. Некоторые психологические аспекты отношений подшучивания // VI Конгресс этнографов и антропологов России. Санкт-Петербург, 28 июня – 2 июля 2005 г. Тезисы докладов. СПб., 2005, с. 82.
5. Отношения подшучивания в традиционных обществах (опыт этнолого-психологического анализа) // *Этнологическое обозрение*, 2006, №4 (в печати).

Переводы трудов классиков этнологии

1. Салинз М. Экономика каменного века. М., 1999. 294с. (совместно с О.Ю.Артемовой и Л.М.Огородновым).
2. Рэдклифф-Браун А.Р. Об отношениях с подшучиванием // Структура и функция в примитивном обществе. М., 2001. с. 107-125.
3. Рэдклифф-Браун А.Р. Еще раз об отношениях с подшучиванием // Структура и функция в примитивном обществе. М., 2001. с. 125-135.